

П. С. АЛЕКСАНДРОВ

академик

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. Ю. ШМИДТЕ

Моя первая встреча с Отто Юльевичем Шмидтом произошла в холодное ноябрьское утро 1920 г.: в одной из плохо отапливавшихся аудиторий Московского университета на Моховой было собрание, посвященное организации Московского института математических наук. Инициатором этого собрания был О. Ю. Шмидт, председательствовал Д. Ф. Егоров, а я был в числе участников.

Если не ошибаюсь, это была первая попытка создания научно-исследовательского института, по крайней мере в области близких мне научных дисциплин. Как известно, научно-исследовательские институты впоследствии стали основной организационной формой научной работы в нашей стране, но тогда это было нововведением. Академия наук в то время была не тем, что она есть сейчас. Научная жизнь сосредоточивалась в университетах и дробилась по научным кафедрам. В Московском университете были отдельные крупные ученые, были и отдельные научные коллективы, но той массовой организации научных коллективов и научной работы, которая есть сейчас, не было.

Отто Юльевич, как и во многих других областях культурной жизни, был и здесь пионером. Естественно, что будучи математиком, он выступил с планом организации именно математического института. Тогда Советской республике было только три года, многие идеи советского культурного строительства встречали сопротивление со стороны кругов старой университетской интеллигенции. А Отто Юльевич был совсем молод, ему было 29 лет. Не удивительно, что его доклад, во многом расходившийся со старыми университетскими традициями, был встречен с осторожностью и даже недоверием. Помню те горячие прения, которые он вызвал, и помню, как Отто Юльевич непередаваемым обаянием своей личности, силой и ясностью

своего ума, готовностью выслушивать и понимать самые различные точки зрения, умением убеждать своих противников сильной и тонкой логической аргументацией сумел победить недоверие многих даже консервативно настроенных московских математиков. Во всяком случае всем стало ясно, что в лице О. Ю. Шмидта в профессорскую корпорацию Московского университета вошел новый талантливый человек, человек с высокой общей культурой, сильным интеллектом и тонкой организацией всей психики.

В конце концов идеи Отто Юльевича о создании математического и вообще научных институтов при Университете восторжествовали. Эти институты скоро образовались, ученые разных возрастов почувствовали себя в них в общем хорошо и поняли, что это — новая форма научной жизни, которой принадлежит будущее.

Я был тогда совсем молодым человеком, начинавшим в свои 24 года преподавательскую деятельность в Университете. Отто Юльевич очень скоро всех нас привлек к себе, сделался желанным и постоянным членом нашего преподавательского коллектива, начиная от самых молодых и кончая самыми почтенными учеными.

Это было начало наших встреч, потом мы встречались систематически. Отто Юльевич прочно вошел в математическую семью Московского университета, где был по заслугам принят как серьезный крупный математик и где постоянно пользовался товарищеской любовью и уважением.

* * *

В 1927 г. я встретился с Отто Юльевичем в Геттингене. Этот город делил с Парижем славу столицы тогдашнего математического мира. В Геттингенском университете в разное время работали Гаусс, Риман, Дирихле и другие выдающиеся математики, а в те годы, о которых идет речь, там был Гильберт — крупнейший математик последних десятилетий XIX в. и первой четверти XX в.

В этот мировой научный центр во время летнего семестра стекались ученые со всех концов земного шара.

Отто Юльевич приехал туда в научную командировку, оторвавшись на короткое время от своих уже тогда очень разнообразных занятий. В частности, он был тогда директором Госиздата и редактором Большой Советской энциклопедии, первое издание которой останется поразительным памятником молодой советской культуры.

В Геттингене я встречался с Отто Юльевичем особенно много, совсем просто и сердечно. Мы встречались при самых

разнообразных обстоятельствах — не только на научных заседаниях, не только в университете, но и в гостях, во время прогулок, купанья. Да и не припомнить всех встреч! Пожалуй, именно летом в Геттингене я впервые узнал Отто Юльевича как человека.

Не хочется писать такие избитые слова, как «замечательный», «многогранный», «разносторонний». Все это не передает того, что хочется сказать об этом человеке. Поразительной была его способность всем интересоваться, все понимать, на все реагировать, на все откликаться, способность ко всему разнообразию жизненных явлений подойти как-то по-своему, «своим умом». А ум у Отто Юльевича был большой и, если так можно выразиться, «теплый», согретый любовью к человеку, доброжелательностью, хорошим, тонким юмором. «Обилие» — вот, пожалуй, то слово, которое приходит, когда думаешь о личности О. Ю. Шмидта. Обилие ума и обилие сердца, полное развитие человеческой личности в ее интеллектуальном, эстетическом, волевом, эмоциональном и социальном аспектах.

За мою уже довольно долгую жизнь мне пришлось встречаться с большим количеством выдающихся людей. Но впечатления об Отто Юльевиче занимают особое место — уж очень было велико и разнообразно внутреннее богатство этого человека...

В 1927 г. Отто Юльевичу было 36 лет. Вырвавшись на два месяца из обстановки крайне напряженной и разнообразной работы, он, по его собственным словам, как бы окунулся в математическую работу. Результат был выдающимся. Достаточно было этих, по существу нескольких недель досуга, чтобы Отто Юльевич, овладев всем тем, что было сделано в области его математической специальности за целое десятилетие, не только оказался полностью на уровне последних достижений этой науки, но и сразу же пополнил ее собственными первоклассными исследованиями.

Теорема теории групп, известная под именем теоремы Шмидта, представляет собой одну из основных теорем современной алгебры. Это теорема такого ранга и значения, которые в каждой области математики насчитываются только единицами. Математика состоит из многих различных областей; в каждой из них имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых концентрируются дальнейшие исследования. Теорема О. Ю. Шмидта в теории групп принадлежит именно к фундаментальным, большим открытиям, которые навсегда останутся в науке.

Я помню заседание Геттингенского математического общества под председательством Гильберта, на котором О. Ю. Шмидт излагал свою теорему. Гильберт присутствовал

не на всех заседаниях, ему было 64 года, уже начался последний период его деятельности, когда он берег свои силы. Но на доклад О. Ю. Шмидта он пришел.

Я помню впечатление, которое произвел этот доклад, блестящий не только по содержанию, но и по языку, по всей своей внешней форме. Впечатление было огромным, несмотря на то, что делался он в таком месте, где люди были избалованы и знали цену хорошим докладам; выступать перед ними было делом ответственным.

Доклад О. Ю. Шмидта был одним из самых блестящих событий математической жизни Геттингена в летнем сезоне 1927 г., богатым большими научными открытиями (в этом сезоне в Геттингене впервые излагались, например, теории Биркгофа, Винера и др.).

Выступление О. Ю. Шмидта в Геттингене имело большой и широкий успех. Посудите сами, приехал из Советского Союза крупный общественно-политический деятель, делает блестящее математическое открытие и столь же блестяще излагает его. Естественно, успех О. Ю. Шмидта стал своего рода сенсацией. Отто Юльевича стали нарасхват приглашать не только в профессорские семейства, но и на всевозможные официальные приемы. Посыпались просьбы выступить на различных собраниях, до собрания женщин-ученых включительно. Не мудрено, что от условий для спокойной и сосредоточенной научной работы, в которых так нуждался Отто Юльевич, осталось немного... Но уже приближался конец семестра, и вскоре Отто Юльевич уехал из Геттингена.

* * *

Следующий этап моих воспоминаний — начало 30-х годов, эпоха больших перестроек как в жизни высшей школы, так и во всей научной жизни нашей страны. Но всегда, когда зарождается большое, новое дело, бывает и много трудностей и прямых ошибок. Поэтому формирование главных принципов советской высшей школы, которое в основном происходило именно в первом пятилетии 30-х годов, не проходило гладко и не обходилось без различных уклонов и ошибок.

Отто Юльевич принял в этом процессе становления нашей современной высшей школы большое участие. Его курс был взят на ломку того, что устарело, но в то же время и на сохранение всего хорошего и здорового, что было в старых университетских традициях. Проводить эту точку зрения было порой нелегкой задачей.

В это время О. Ю. Шмидт стал директором Научно-исследовательского института математики Московского университета. Перед ним стояла задача обновления всей деятельности Инсти-

тута. При этом шла речь не только о вопросах организации научной работы, подготовки аспирантов, обучения студентов и т. п., но и о принципиальных проблемах, касавшихся всего направления деятельности советских математиков. Некоторые увлекшиеся товарищи говорили, что вся так называемая «чистая» математика вообще не нужна, что математика должна быть только прикладной, причем прикладной характер математики иногда понимался в узком смысле, требовавшем учета лишь непосредственных практических потребностей сегодняшнего дня. В связи с этими общими дискуссиями возник, в частности, вопрос о характере и судьбе нашего основного математического журнала «Математический сборник». Некоторые математические деятели того времени говорили, что журнал этот устарел, что он должен быть полностью перестроен в смысле отказа от своего профиля, в основном посвященного теоретическим вопросам математики. Встав в этот момент во главе журнала «Математический сборник», О. Ю. Шмидт твердо и решительно повел борьбу со всякими возникавшими тогда вульгаризаторскими тенденциями и придал журналу тот характер серьезной научности, который он сохраняет до сих пор. Многолетний период, в течение которого О. Ю. Шмидт был главным редактором журнала «Математический сборник», — это годы не только огромного роста журнала, но и время, когда журнал твердо завоевал свое настоящее положение одного из первых математических журналов мира.

* * *

Мои воспоминания обращаются теперь к работе Отто Юльевича в Академии наук. Реорганизация Академии, в частности академические выборы 1929 и 1939 гг., — все это проходило при значительном участии О. Ю. Шмидта. Много важного и хорошего сделал он для нашей Академии. Он привлек многих талантливых ученых, особенно много молодых ученых, и всегда решительно боролся с затхлым духом академизма.

Наступило грозное лето 1941 г. На плечи Отто Юльевича легла труднейшая задача эвакуации Академии в Казань. Я не могу судить о том, справился ли он со всеми сторонами этого дела. Но я никогда не забуду выступления его перед научными работниками Академии о стоящих перед ними задачах научной работы. В этой речи О. Ю. Шмидт, естественно, подчеркивал руководящую, основную роль исследований, так или иначе связанных с потребностями обороны страны. Но и тогда он возражал против узковедомственных требований переключить всех ученых Академии на одну лишь прикладную работу. Призывы к прекращению теоретических исследований иногда раздавались и в стенах Академии. Я помню, как, возражая против них,

Отто Юльевич говорил, что и в военной обстановке даже чисто теоретические исследования оправдают себя, если они будут посвящены действительно большим проблемам, что условия военного времени не терпят никакого научного крохоборства, занятия мелочами. Я знаю случаи, когда эта речь О. Ю. Шмидта оказала большое влияние на направление научных исследований математиков.

* * *

В военные годы с новой силой вспыхнула давняя болезнь Отто Юльевича — туберкулез. Происшедшее весной 1942 г. обострение послужило началом длительного, неуклонно прогрессирующего заболевания, которое уже не оставляло Отто Юльевича и в конце концов привело его к могиле.

Жизненная активность Отто Юльевича оказалась переключенной на новый круг интересов; и по своей значительности эти интересы — вопросы космогонии — не уступали тем областям творческой работы, которыми он увлекался.

Я знаю, что работа О. Ю. Шмидта в области космогонии была дискуссионной, как дискуссионны все смелые мысли. Я не берусь судить, это не моя специальность, каково то окончательное место, которое займут в науке космогонические идеи Шмидта, но я знаю, что он и здесь проявил себя ярким и большим человеком, каким он был во всех областях, с которыми соприкасался.

* * *

В самые последние месяцы жизни Отто Юльевича мне, к сожалению, не пришлось его видеть, и это причиняет мне большую боль каждый раз, когда я о нем вспоминаю. Однажды я навещал Отто Юльевича в больнице, в Сокольниках. Это было, пожалуй, одно из последних моих личных впечатлений о нем, и оно вновь как бы сомкнулось с теми первыми впечатлениями, которые я получил в ранние годы знакомства с Отто Юльевичем. Я вновь увидел выдающегося, редкого по своему интеллекту и по своему непосредственному обаянию человека, сохранившего, несмотря на болезнь, безнадежность которой ему самому была ясна, способность творческого, мужественного и полноценного человеческого отношения ко всему решительно, что составляет человеческую жизнь.

Когда я присутствовал на собрании, посвященном памяти О. Ю. Шмидта, и слушал воспоминания о нем как о полярном исследователе, о том, каким он был в суровой обстановке сложной и ответственной борьбы со стихией, я невольно думал: неужели все то, что я сам знаю, и все то, что я слышу об Отто Юльевиче, неужели все это касается одного человека?

В силу самого разнообразия интересов и устремлений О. Ю. Шмидта мало кто может оценить все, сделанное им. След, оставленный им в нашей советской культуре, активным и живым строителем которой он был в столь многих ее направлениях, каждый из нас воспринимает лишь с некоторых сторон, а не целиком. Но все, соприкасавшиеся с О. Ю. Шмидтом, знают и помнят не только полноту, яркость и богатство его разносторонне одаренной личности, но и волнующую, трогающую человечность, ту сердечность, участливость и теплоту О. Ю. Шмидта, которую по тому или иному поводу испытали и которую не забудем мы, прошедшие рядом с Отто Юльевичем хотя бы небольшой отрезок жизненного пути; и каждый из нас сохранит его образ среди дорогих своих воспоминаний, в глубине своей души.